

Перед самым приходом тайфуна «Черный кот» город Цинбэй окутал густой белый туман. Улицы опустели; лишь редкие магазинчики еще работали, тускло светя витринами сквозь плотно запертые двери и окна.

Ветер, зародившийся над океаном, ворвался в город, то затихая, то обрушиваясь с новой силой. Вековые деревья, глубоко пустившие корни в землю, отчаянно раскачивались из стороны в сторону.

Воздух пропитался соленым, резким запахом моря. Городское радио за шесть часов до выхода тайфуна на сушу начало транслировать предупреждения в режиме нон-стоп: граждан просили запастись едой и водой, не покидать дома, а жителей низменных районов — забаррикадировать окна и подготовить дренажные системы.

Сы Юэ проснулся и, с трудом разлепив веки, выглянул в окно. Сон как рукой сняло.

Тайфун не прошел бесследно. Еще вчера пышные и зеленые камфорные деревья теперь выглядели жалко: ветви переломаны, кроны кое-где сорваны целиком, а уцелевшие листья напоминали разорванные крылья бабочек. Ветер всё еще подвывал, и листва продолжала осыпаться на землю, уже устланную зеленым ковром, под которым хлюпала нахлынувшая морская вода.

Кустарники в саду выглядели так, будто по ним пробежало стадо диких зверей. Садовник вместе с помощниками уже принялся за работу, пытаясь привести территорию в порядок.

«Черный кот» ушел.

Цинбэй начал методично залечивать раны. Тайфуны случались здесь по нескольку раз в год, так что и власти, и простые горожане давно к ним привыкли.

В чате группы появилось уведомление о начале занятий. Староста скинул ссылку на приложение, где можно было посмотреть расписание. Сы Юэ зарегистрировался и, увидев график занятий, буквально подскочил на кровати.

— Вот же блин...

В расписании с понедельника по субботу не было ни одного свободного окна. Если обеденный перерыв еще можно было считать отдыхом, то только он и оставался. Из-за специфики специальности «Клиническая медицина тритонов» большую часть времени им предстояло проводить в лабораториях. Почти все профессора были тритонами, а макеты и оборудование — исключительно профильными.

Сы Юэ посмотрел на перечень предметов, мало чем отличавшихся от человеческой медицины, и закатав рукав пижамы, взглянул на запястье. Белая отметина, появившаяся в день свадьбы,

всё так же отчетливо белела на коже, не собираясь исчезать.

Пришла Линь-и и позвала его к ужину.

— К ужину? — Сы Юэ сполз с кровати. — Как это — к ужину?

В эти дни небо за окном было неизменно серым и хмурым, из-за чего чувство времени окончательно притупилось. Он и не заметил, как день подошел к концу.

Линь-и с улыбкой ответила:

— Уже почти шесть вечера.

Сы Юэ: — ...

Спустившись в столовую, Сы Юэ обнаружил, что ни Бай Лу, ни Бай Цзяня нет дома. Он был один, и на столе стоял прибор только для одного человека.

На ужин подали две запеченные бараньи отбивные с тмином, гарнир из картофеля и лука, легкий суп с фрикадельками из зимней тыквы и закуски из огурцов с горчицей.

Сы Юэ принялся отколупывать тмин и спросил:

— А где все?

Аквариум Бай Лу тоже пустовал — медуз и ракушек почти не осталось, лишь пара штук сиротливо дрейфовала в воде.

— Господин Бай Цзянь уехал по делам сразу после того, как стих тайфун, а молодой господин Бай Лу ушел в море, — Линь-и поставила на стол вазу с нарезанными фруктами и аккуратно положила вилку. Сы Юэ хмыкнул: вилка была из чистого золота.

— В море в такую погоду? — удивился Сы Юэ. — У него же хвост недоразвитый.

Линь-и глянула в окно. Море еще не успокоилось, уровень воды сильно поднялся, и волны с грохотом разбивались о скалы, вздымаясь на несколько метров вверх.

— Молодой господин Бай Лу обожает море в такую погоду. Говорит, что...

— ...можно найти настоящие сокровища.

Сы Юэ: — ...

На середине ужина вернулся Бай Лу. Он был в дождевике и резиновых сапогах, весь черный и мокрый. Его внезапное появление в дверях заставило Сы Юэ вздрогнуть. В руках тритон волок какое-то склизкое черное нечто.

Плавники за ушами Бай Лу еще не успели скрыться. Он стянул капюшон; к одежде прилипли какие-то водоросли.

Сы Юэ, жуя картошку, склонил голову набок:

— Бай Лу, это еще что такое?

Тот сбросил дождевик, глаза его сияли:

— Кальмар!

И он был еще жив. Несколько черных щупалец извивались, пытаясь обвить ноги Бай Лу. Голова кальмара была больше головы самого тритона.

Сы Юэ заметил, что Бай Лу питал особую слабость к мягкотелым морским гадам: медузы, черенки, а теперь вот — гигантский кальмар.

Бай Лу хотел что-то сказать, но щупальца мешали, лезли ему в лицо и щекотали шею. Он раздраженно отдал добычу поварам и плюхнулся на стул рядом с Сы Юэ.

— В прилив сюда заносит много вкуснятины, которую обычно не поймать. Я решил попытать удачу и — хоп! — выловил этого красавца. — Бай Лу сглотнул слюну; было видно, что он уже представляет его на тарелке.

Сы Юэ пододвинул ему свою отбивную:

— Перекуси пока этим.

Бай Лу потянулся было рукой, но тут же отпрянул:

— Фу, пахнет луком! Терпеть его не могу. Тритоны вообще не любят резких запахов.

— А мне нравится, — ответил Сы Юэ и вдруг заметил на руках Бай Лу багровые и синие следы от присосок.

Свет в столовой был приглушенным — Сы Юэ не любил жечь зря огромную люстру, когда сидел один, поэтому горело лишь несколько ламп над столом. В этом полумраке Сы Юэ

коснулся подбородка Бай Лу, внимательно осматривая его лицо.

— Ты ранен? — нахмурился он.

Не только руки — на щеках были ссадины, на шее — следы от укусов и царапины.

Бай Лу ответил с гордостью:

— На охоте без ран не бывает!

— ...

— Этот кальмар был просто огромным! Мы с ним в воде раундов триста бились! — Бай Лу замахал руками, его плавники за ушами от возбуждения затрепетали. — Обычно такие гиганты сидят на глубине, а я плохо переношу давление. Но сегодня из-за шторма его вынесло на мелководье. Течение было бешеное, камни летели... Вот на руках — это он меня сжимал, а на щеке... не знаю, кто-то тяпнул в суматохе, я и не заметил.

— А-Юэ, я тебе подарок принес! — Бай Лу выудил из кармана брюк ракушку размером с ладонь. Она была нежно-розовой, с идеально гладкой поверхностью. — Это «ракушка-бутон». Она так называется, потому что похожа на закрытый цветок. В наших краях такие не водятся. Говорю же — прилив принес много сокровищ! В следующий раз еще что-нибудь найду.

Сы Юэ взял подарок. Ракушка была очень изящной.

— Она живая? — спросил он, поднеся её к глазам.

Бай Лу пододвинулся ближе:

— Не, я уже всё содержимое выел.

— ...

Бай Лу: — Из неё можно сделать брелок для телефона. Дрель её возьмет. А-Юэ, а ты сегодня пойдешь гулять? — осторожно спросил он. — Раз я сделал тебе подарок, возьми меня с собой, а?

Сы Юэ как раз планировал встретиться с Чжоу Янъяном или съездить домой — сидеть взаперти было невыносимо. Но Бай Лу...

— А твой хвост? Тебе разве не нужно постоянно быть в воде?

Бай Лу просиял:

— День-другой выдержу! А если станет подсыхать — просто вылью на себя бутылку воды.

Перед выходом Сы Юэ посмотрел на сияющего от счастья Бай Лу и решил всё-таки позвонить.

Бай Цзянь был на совещании. Увидев входящий от Сы Юэ, он жестом велел всем замолчать и сделал паузу. Сы Юэ, не зная об этом, тихо спросил:

— Бай Цзянь, я хочу пойти погулять.

— ...

Бай Цзянь помолчал несколько секунд, а затем ответил с легкой усмешкой в голосе:

— Возвращайся не слишком поздно. Тебе не нужно отчитываться передо мной каждый раз, когда уходишь.

В голосе взрослого тритона, вошедшего в пору зрелости, слышались нотки едва уловимого искушения. В этом люди и тритоны были похожи.

Сы Юэ потер кончик уха, который внезапно стал горячим, и пояснил:

— Я не отчитываюсь. Просто Бай Лу хочет со мной. Ничего, если я его возьму?

Бай Цзянь, кажется, не ожидал, что звонок касается брата. Тон его мгновенно стал суше:

— Хорошо.

Сы Юэ, не заметив перемены в настроении мужа, облегченно вздохнул:

— Отлично. Тогда мы пошли. Пока!

Он положил трубку. Бай Цзянь еще какое-то время смотрел на погасший экран, затем поднял взгляд на присутствующих в конференц-зале и улыбнулся:

— На чем мы остановились?

Цзян Юнь выступил вперед, продолжая доклад о плане поглощения предприятия.

Совещание длилось еще два часа. Когда оно закончилось, все, кроме Бай Цзяня, были выжаты как лимон. Цзян Юнь и Цзян Юй, проработавшие с ним много лет, давно привыкли к его маске вежливости, за которой мог скрываться лед. Но другие участники, некоторые из которых видели главу клана впервые, были в ужасе.

Бай Цзянь казался мягким, но его вопросы были бритвенно острыми. Сердца присутствующих замирали от страха и не отпускали до самого конца. Только выйдя за дверь, люди почувствовали, что снова могут дышать.

— Господин Бай Цзянь, — тихо спросил Цзян Юнь, — как вы себя чувствуете в эти дни?

Цзян Юй подошел сзади, собирая бумаги:

— Что за глупый вопрос?

Собирая вещи, он вдруг почувствовал холод, коснувшийся его лица. Он опустил глаза и замер. Пальцы словно приросли к столу. Господин Бай Цзянь поднял голову и спокойно смотрел на него. Лицо было мирным, но зрачки... Они стали иссиня-черными, как обсидиан, непрозрачными, без видимого зрачка. Будто два кусочка бездонного океана вставили в глазницы.

Цзян Юй перевел взгляд ниже и похолодел: на шее Бай Цзяня проступили черные чешуйки, плотно прилегающие друг к другу, странные и пугающе острые. Дыхание перехватило.

Цзян Юнь, почуяв неладное, мгновенно заслонил собой напарника:

— Простите, господин Бай Цзянь...

Не дожидаясь конца фразы, Бай Цзянь опустил взгляд на свою ручку и мягко произнес:

— Свободны.

Цзян Юй буквально вылетел из кабинета.

За дверью Цзян Юй сорвал галстук. Лицо его было белым как полотно.

— Черт... Мне нужно взять отпуск на пару дней. Кажется, Бай Цзянь хотел меня сожрать.

Цзян Юнь промолчал.

— Господин Бай Цзянь строго блюдет правила. Ты полез без спроса, вот он и разозлился. Сам виноват.

— Да я забыл, что скоро шестнадцатое! — оправдывался Цзян Юй. Вспомнив черную чешую, он поежился. — Обычно он так на меня не смотрит. Но эти чешуйки... черные! Черные!!!

Черный был истинным цветом Бай Цзяня. Из-за того, что его предки были серебристыми, его гены мутировали, создав редчайший серебристо-голубой окрас — цвет океана. Но в периоды

«пробуждения крови» Бай Цзянь возвращался к своим истокам.

Ни у одного тритона, кроме него, не было черного хвоста. Глубокий, как чернила, без единого изъяна, с чешуей, острой как лезвия ножей. И до, и после проклятия Бай Цзянь оставался для сородичей кем-то вроде божества.

Взгляд Цзян Юня стал сложным:

— Мне больше нравился прежний господин Бай Цзянь.

— Почему ты перестал называть его официально? — удивился Цзян Юй.

— Как хочу, так и называю, тебе-то что? — Цзян Юнь начал терять терпение. — Лучше следи за своим языком, а то в следующий раз не успеешь заметить, как голова с плеч слетит.

— Да ладно тебе, ты преувеличиваешь. Максимум, что он сделает — заставит меня за мячиками бегать.

Чжоу Янъян впервые видел Бай Лу. Перед семьей Бай он инстинктивно лебезил: слишком богатые, слишком влиятельные. Обычные миллионеры вроде него и рядом не стояли с этим кланом.

— Здравствуйте, здравствуйте! Простите, если прием покажется скромным, не обессудьте!

Бай Лу, никогда не тусовавший в такой компании, растерянно повторял за ним, кланяясь и пожимая руку:

— Здравствуйте-здравствуйте! Очень приятно!

Чжоу Янъян нервно потирал руки. Бай Лу делал то же самое.

Компания: — ...

Сы Юэ не выдержал, притянул Бай Лу к себе и представил:

— Это мои друзья, не тушуйся.

Они сидели в кабинете одного из баров на побережье. Хотя тайфун еще не совсем ушел, заведения уже открывались — владельцы были уверены в прочности своих построек.

В кабинете было просторно: можно было петь, танцевать или играть в приставку. Курить никто не стал. Сы Юэ с Чжоу Янъяном принялись играть в кости. Ради Бай Лу выбрали самую

простую игру на «больше-меньше». Проигравший пил. Тритону наливали легкое сладкое фруктовое вино.

Чжоу Яньян пододвинул бокал Сы Юэ и, косясь на Бай Лу, зашептал:

— Быстро же ты обзавелся новыми друзьями. — В голосе слышалась ревность.

Сы Юэ: — Он мой шурин.

Чжоу Яньян: — Быстро же ты обзавелся шурином!

Сы Юэ отвесил ему подзатыльник.

Яньян придвинулся ближе:

— А если серьезно... он что, того? Ну, пришибленный немного? — Он видел, что Бай Лу ведет себя как ребенок, хотя иногда выдает вполне разумные вещи.

Сы Юэ хмыкнул:

— Недоразвитый.

— Офигеть, у тритонов тоже бывает задержка развития? Я думал, это только у нас, людей! — Чжоу Яньян преисполнился к Бай Лу почти отеческой нежности. — А он тебя любит. Смотрит так же, как мой пес на меня.

Бай Лу и правда то и дело поглядывал на Сы Юэ влажными, преданными глазами.

Сы Юэ остался бесстрастен:

— Если он узнает, что ты сравнил его с собакой, он тебя на ленточки порежет.

Чжоу Яньян отмахнулся:

— Да ладно тебе. Я слышал, у него отличные оценки и высокая ученая степень, голова варит будь здоров. Твоя инфа вообще надежная?

— Какая разница, надежная или нет. Какая тебе печаль?

Сы Юэ проиграл уже седьмой раунд. Он отодвинул друга и ткнул пальцем в кубики:

— Ставлю на «большое»!

Чжэн Сюйюй открыл стакан. В сумме выпало три очка.

Сы Юэ: — ...

Взгляд Сы Юэ затуманился. Он выудил из кармана ключи от машины:

— Ставлю тачку. Больше пить не буду. — Пить он не умел, пьянел быстро и вел себя в таком состоянии... специфически.

Ключи мгновенно перехватил Бай Лу:

— Это слишком дорого! Я за тебя выпью.

Но не успел он поднести бокал к губам, как Цзян Шии перехватил его руку. Он молча взял бокал Сы Юэ и осушил его залпом.

— Я за него выпью.

Пока он пил, он не сводил с Бай Лу взгляда, полного нескрываемой враждебности и презрения. Бай Лу нахмурился — ситуация казалась ему странной.

Сы Юэ в тот вечер не везло, и он изрядно набрался. Бай Лу заранее вызвал водителя. Когда машина приехала, друзьям тоже пора было расходиться.

Чжоу Янъян успел привязаться к Бай Лу. Он давно не встречал таких... непосредственных людей. В их кругах искренность была редкостью.

Сы Юэ хмель в голову не ударил — внешне он выглядел почти трезвым, но по его поступкам было ясно: парень «улетел». Выйдя из бара, он первым же делом попытался открыть чужое такси своим ключом от машины.

Чжоу Янъян привычно поймал его за шкурку и передал в руки Бай Лу, серьезно напутствуя:

— Белый Тритончик, как приедете домой, скажи Бай Цзяню, чтобы дал ему рассола или чего там у вас... И заприте его хорошенько, не выпускайте, пока не протрезвеет.

Бай Лу послушно кивнул:

— Без проблем!

Домой они вернулись к полуночи. Туман над Цинбэй начал редеть, и почти полная луна висела в черном небе, изредка скрываясь за рваными облаками. Воздух был ледяным.

Дядя Чэнь с тревогой поглядывал на дверь. Бай Цзянь сидел в гостиной и неспешно заваривал чай. Свет фар разрезал тьму двора. Бай Лу и Сы Юэ вышли из машины. Лицо тритона покраснелось, он возбужденно размахивал руками:

— А-Юэ, завтра снова пойдем гулять! Мне понравилось абрикосовое вино!

Бай Лу за Сы Юэ не переживал — тот не выглядел пьяным в стельку, значит, всё в порядке.

Сы Юэ кивнул:

— Идем.

Дядя Чэнь впустил их. Бай Лу сбросил обувь и сразу рванул к своему аквариуму. Брызги полетели во все стороны, задевая хрустальные подвески люстр.

Вода в чайнике бурлила, белый пар поднимался к потолку. Бай Цзянь повернул голову к вошедшему Сы Юэ и улыбнулся:

— Вернулся?

Сы Юэ снял пиджак и отдал его дворецкому. Взгляд его был пугающе спокойным.

— Налей мне воды. Спасибо.

Дядя Чэнь учуял резкий запах спиртного и вопросительно посмотрел на хозяина. Бай Цзянь мягко произнес:

— Налей ему.

Пока дворецкий возился с водой, Бай Лу в своем аквариуме самозабвенно пускал пузыри — после вина их было непривычно много.

Бай Цзянь с первого взгляда понял, что Сы Юэ пьян. Походка и манеры выдавали его. Раньше он вел себя в этом доме хоть немного скованно, а сейчас... сейчас он был вызывающе раскован.

Сы Юэ опустился на пол у ног Бай Цзяня и тяжело вздохнул.

— Что случилось? — спросил тритон.

— Уроков много, — глухо отозвался парень. — Слишком много.

— Занятия начинаются?

— Угу.

— Бай Цзянь, — Сы Юэ поднял голову. Глаза его блестели, губы казались влажными и мягкими. Он выглядел беззащитным, что совсем не вязалось с его характером. — Ты такой классный.

Бай Цзянь тихо рассмеялся, ресницы отбросили тень на его скулы.

— С чего вдруг такие комплименты?

— Моя семья торчит вам миллиарды, а ты согласился списать долг за какую-то свадьбу. Это же чертовски невыгодная сделка. Будь я на твоём месте — ни за что бы не согласился. — Логика у пьяного Сы Юэ еще работала.

Бай Цзянь поправил воротничок его рубашки, сохраняя безграничное терпение:

— А я считаю, что сделка очень выгодная.

Сы Юэ замолчал, о чем-то напряженно думая. Затем он подался вперед, так что его шея почти коснулась колена Бай Цзяня. Он положил подбородок на его колено и заглянул в глаза:

— Бай Цзянь... А правда, что тритоны любят спариваться в воде?

Это был тот самый десятый пункт из списка Чжоу Янъяна.

Откуда у этого человеческого детеныша такое любопытство? Маленькие тритоны, конечно, тоже бывают любопытны, но никогда не посмеют вести себя так дерзко — кровь высшего тритона заставляет их трепетать от почтения. А Сы Юэ... Сы Юэ уже почти залез к нему на колени.

Бай Цзянь придумывал, как ответить. Сы Юэ только исполнилось восемнадцать, ему не стоило знать слишком много, да и объяснять такие вещи — дело хлопотное. К тому же, в таком состоянии он вряд ли что-то поймет, а если и поймет — завтра не вспомнит.

— В воде ощущения намного ярче, — медленно произнес Бай Цзянь.

Сы Юэ придвинулся еще ближе, преданно глядя снизу вверх:

— Какие ощущения? Расскажи!

Бай Цзянь усмехнулся:

— А-Юэ — человек, тебе незачем это знать.

И тут Сы Юэ выдал во всей красе свой уровень опьянения:

— Я — человек?!

Бай Цзянь: — ...

Парень устоял на свои ноги, словно проверяя что-то, а затем с ужасом посмотрел на тритона:

— А где мой хвост?

Он едва не расплакался, будто хвост действительно только что исчез. Бай Лу, наблюдавший из аквариума, мгновенно побледнел и ушел под воду с головой.

Улыбка Бай Цзяня была пугающе нежной:

— А-Юэ — человек. У А-Юэ нет хвоста.

Сы Юэ захлопал глазами:

— П-правда? — Он явно не доверял этой информации.

Пьяный мозг работает странно: Сы Юэ мгновенно забыл про отсутствие хвоста и переключился на другое. Он прижался щекой к бедру Бай Цзяня:

— Бай Цзянь, у меня завтра учеба. Я хочу жить в общежитии, можно?

Голос Бай Цзяня оставался мягким:

— Я уже отвечал на этот вопрос.

— И что ты ответил?

— «Нет».

— Почему?

— Потому что мы женаты. — Бай Цзянь не удержался и погладил Сы Юэ по щеке.

Сы Юэ нахмурился:

— А когда это случилось?

Дядя Чэнь со стаканом воды замер в дверях кухни. Ноги его словно налились свинцом, а лицо стало мертвенно-бледным. Он не смел сделать ни шагу вперед: господин Бай Цзянь ласково поглаживал лицо Сы Юэ перепончатой, когтистой лапой — такой, какая бывает только у тритонов в их истинном, хищном обличье. Взгляд его был полон нежности, но само движение выглядело жутко.

<http://bllate.org/book/14657/1301501>